

ТЕМА НОМЕРА:
«ГОРИЗОНТЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК:
“ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО” В ГУМАНИТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ»

DOI: [10.17805/ggz.2019.3.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.1)

«Хорошее общество» и «цифровое общество»

В. А. Луков

Московский гуманитарный университет

В статье рассматриваются различный смысл и разное назначение понятий «хорошее общество» и «цифровое общество». Показано, что эти понятия отражают особенности культурной картины мира (первое) и социальный проект (второе), но могут быть довольно значительные отклонения от этого идеала.

Ключевые слова: «хорошее общество»; цифровизация; «цифровое общество»; тезаурусный подход; гуманитарные науки

The “Good Society” and the “Digital Society”

V. A. Lukov

Moscow University for the Humanities

The article examines different meanings and different appropriations of the concepts of the “good society” and the “digital society”. It is shown that these concepts reflect the features of the cultural worldview (the first one) and a social project (the second one), but there can be quite significant deviations from this ideal.

Keywords: “good society”; digitalization; “digital society”; thesaurus approach; humanities

ВВЕДЕНИЕ

Идеи «хорошего общества» и «цифрового общества» противоположны и одновременно притягиваются друг к другу. Противоположны они в том, что первое в своей основе имеет ценностный заряд. Оно тезаурусно (т. е. выполняет для социального субъекта ориентационную функцию — Луков В., Луков Вл., 2013) в том аспекте, что включается в ядро тезауруса, т. е. в культурную картину мира (Кузнецова, 2012), какой бы эта картина ни была и какой бы тип общества она ни отражала. Тезаурусный подход позволяет ментальную конструкцию «хорошего общества» не связывать с теориями устройства социального пространства и управления им, с институтами, определя-

ющими лицо общества и обеспечивающими социализацию новых поколений в нем. По сути, только то, что данное общество признается «своим», а любое другое, даже и более совершенно управляемое и более богатое экономически, «чужим» (при этом «свое» не вызывает отторжения и протеста, а «чужое» все время находится на грани с «чуждым» — враждебным, неприемлемым), позволяет без внешнего давления или контроля считать «хорошее общество» именно тем, которое нужно для «хорошей жизни». Надо сказать, что «свое» не обязательно совпадает с тем, что человека, организацию, общность и т. д. окружает: «свое» может быть где-то там, «за бугром», а окружающее как раз может восприниматься «чужим» и даже «чуждым». В любом случае действует ценностная установка социального субъекта (человека, организации, общественного движения и т. д.).

«Цифровое общество», напротив, не может быть отнесено к любому типу общества, оно не может возникнуть в странах со слабой наукой и техникой, для его развития подойдет не любая экономическая база, а только та, что обеспечивает цифровизацию крупными экономическими ресурсами. «Цифровое общество» в своем завершенном виде не может быть цифровым наполовину, охватывать одни сферы и оставлять без внимания другие. Оно требует предварительного и всеобщего плана, оно проектируется, а не строится спонтанно. Это — генеральный социальный проект со сроками выполнения, с аппаратом управления, установлением показателей, ответственных по каждому участку, ожидаемых результатов. Иначе говоря, если «хорошее общество» — это положительное представление социального субъекта о приемлемом для него и его жизнедеятельности обществе, то «цифровое общество» — конструкция, создаваемая на базе достигших определенного уровня науки и техники, имеющая осознанные управленческой частью этой системы цели, задачи, способы достижения, ресурсы, планируемые результаты. И первое и второе таковы в идеале, на самом деле могут быть довольно значительные отклонения от этого идеала, что и определяет тему данной статьи.

«ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО»

Термин «хорошее общество» появился в российской социальной науке (социальной философии, социологии) относительно недавно и является калькой с английского термина “good society” из трудов Р. Беллы, Дж. К. Гэлбрейта, А. Этциони и др. (Bellah et al., 1991; Galbraith, 1996; Etzioni, 2001). Как отмечают Е. А. Коваль и С. Г. Ушкин, ныне принято выделять две наиболее популярные модели «хорошего общества» — либеральную (У. Липпман, Дж. К. Гэлбрейт, Дж. Ролз, Р. Дворкин, Л. Кенуорти) и коммунитаристскую (М. Сэндел, А. Макинтайр, А. Этциони, Р. Белла и др.). Отмечается

также, что содержательной спецификой обладают скандинавская и российская интеграционные теории, «в которых синтезируются либеральные и коммуитаристские ценности» (Коваль, Ушкин, 2018: 137).

Действительно, распространению термина в России способствовали работы В. Г. Федотовой и ее коллег («Хорошее общество» ... , 2003; Федотова, 2005). Российские исследователи подчеркивают, что “good society” и «хорошее общество» различаются не только в лингвистическом отношении, но и по обозначаемым ими на Западе и у нас социальным реалиям. С учетом этого некоторыми исследователями термин «хорошее общество» критиковался как ненаучный. Но доводы критиков не мешают охарактеризовать указанный термин как перспективный для социального проектирования. В. Г. Федотова отмечает: «Попытка перейти от концепций идеального общества к идее хорошего общества возникла первоначально на Западе и соответствовала идеалам общества благоденствия. Постепенно покидая эти рамки, она была высоко оценена западной научной элитой как провоцирующая размышление, обсуждаемая на публичном уровне как жизненно истинная, способная стать основой эффективных проектов и пр. В этом подходе жизненные требования доминируют над институтами и формируют их образы» (Федотова, 2005: 457).

Совсем иначе, но по той же модели социокультурной субъектности, представление о «хорошем обществе» заняло место того идеального типа общества, который был частью ориентационного комплекса огромного множества людей в советское время. «Коммунистическое общество» и было тем «хорошим обществом», прихода которого ожидал советский человек (как социальный тип). Падение СССР и смена социального строя определили кризис идентичности со своей страной и ее прежним строем для огромного числа россиян, но и новый идеал либерального общества не утвердился и вскоре стал антиценностью для массы простых людей. Причем, надо сказать, что в тезаурусах людей, не являющимися специалистами в экономике, политике или социальных науках, такого рода маркеры идентичности не предполагают отчетливости и ясности в деталях. Когда за несколько лет на переломе 1980-х и 1990-х гг. миллионы людей отказались от идеалов коммунистического общества, то это не означало краха социализации. Смена произошла на уровне знаков — маркеров идентичности на уровне институциональных систем, с социализацией на уровне повседневности ничего существенного не произошло, по крайней мере, в наиболее значимых для человека областях личной и социальной (в микросоциуме) жизни.

На это обстоятельство до недавнего времени не обращали внимания. Между тем его осознание позволяет понять некоторые парадоксы, выявленные исследователями-социологами. Так, в исследовании О. В. Абдразаковой

«Социокультурные ориентации городского населения в Республике Татарстан» было установлено, что группа «прародителей» (старшего возраста) «характеризуется преобладанием ориентаций на национальную культуру. Три первых ранга принадлежат ориентациям на традиционную и современную татарскую культуру и российскую классическую культуру» (Абдракова, 1999: 16). Исследовательница исходила из того, что «именно люди старшего возраста являются хранителями традиций, они — живые носители национальной культуры» (там же). Но тогда возникает вопрос: те, кто сегодня относится к «прародителям», проходили процесс социализации в 1930–1950-е гг., когда обращение к традиционной национальной культуре если не запрещалось, то по крайней мере не поощрялось, и именно молодежь (каковой тогда и были нынешние прародители) несла инновацию в культурной сфере, критиковала старших за традиционализм.

Разрешение подобных парадоксов социализационного процесса возможно, если мы начинаем учитывать многоуровневость социализации и несовпадение содержания социализации на структурно-институциональном макроуровне и микроуровне социальности, связанной с повседневными социальными практиками.

Здесь и находится место «хорошему обществу», но не в том смысле, как его понимали западные интеллектуалы начала и первой половины XX в. (например, Дж. Дьюи, У. Липпман) и как ныне его связывают с индивидуализированным западным обществом (Бауман, 2002). Его, разумеется, можно определять и как некую целостность и относить к макроструктурам общества, например, приравненным к странам («хорошее» американское общество против, например, «плохого» европейского общества и т. д.). Но для практических целей лучше сосредоточиться на том уровне, который наиболее важен для тезаурусов людей, а именно на уровне *ближайшей социальной среды индивида*. Наиболее соразмерное для человека социальное окружение чаще всего совпадает с городом, селом, где он живет (в мегаполисах это может быть городской район, улица, двор). В этих границах он ориентируется вполне определенно и может сформулировать, что понимает под «хорошим обществом». В этом аспекте нормативная сторона такого общества менее важна, хотя именно ее обсуждают в современной отечественной социологии (Коваль, 2016). Вернее, она становится важной, когда протестные настроения населения достигают высокого накала и выявляют свою общую антиэтатистскую направленность («цветные революции»), где «хорошее общество» становится идеологией масс. Но это особые состояния, которые можно назвать общественными потрясениями. В более или менее спокойные времена таких ментальных конструкций в макромасштабах не появляется.

Технологически это означает, что, во-первых, управленческий уровень «хорошего общества» может совпасть с системой местного самоуправления и, во-вторых, что характеристики «хорошего общества» могут быть извлечены из дискурса проживающих рядом людей. Работа с людьми одной территории (с учетом социальных различий между ними) по методу «фокус-групп» могут прояснить ожидания населения города, села относительно «хорошего общества». Это доступно любому органу местного самоуправления при некоторой предварительной подготовке.

Но тогда окажется, что никакого «хорошего общества» как обобщенного идеала нет, а есть масса «хороших обществ» — каждое со своим лицом и своими претензиями к системе управления. В этом следует видеть не недостаток, а, напротив, преимущество, которое позволяет практически применить в реализации социальной политики методы социального проектирования. Верхние этажи управления не должны брать на себя заботу об установлении единых параметров благополучия человека в обществе, их задачи — поддержать власть на том уровне, который выходит на реалистическую, т. е. приемлемую для обычных людей модель «хорошего общества». Иными словами, в этом подходе к организации приемлемой социальной жизни действует принцип субсидиарности — передачи задач и соответствующих материальных и финансовых средств на тот уровень, где организационные усилия наиболее продуктивны для человека.

«ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО»

Концепция «цифрового общества» вторична по отношению к тому, что получило название «цифровая экономика». Часть в этом случае определяет целое. При этом часть обстоятельно сконструирована, а целое как бы впопыхах догоняет эту часть. В самом деле, нормативно установлено, что цифровая экономика — это «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» (Стратегия ... , 2017: Электронный ресурс). Почти в тех же словах, но с впечатляющей концовкой отмечено в вытекающей из Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», что в цифровой экономике «данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и националь-

ный суверенитет» (Программа ... , 2017: Электронный ресурс). Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев в этой связи констатировал: «Очевидно, что структура экономики в эпоху цифрового развития, масштабного перехода к “цифре” в качестве носителя информации, конечно, сильно меняется, и, наверное, это должно находить свое отражение и в корректировках законодательства» (Медведев ... , 2017: Электронный ресурс).

В огромном по объему документе, какой представляет собой Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (87 страниц мелкого табличного текста с очень малым интерлиньяжем) охвачены, кажется, все вопросы предстоящей перестройки экономики, для каждого года — с 2018 по 2024 г. — установлены показатели и индикаторы. Но в смысле того, что показывают гуманитарные науки, они нередко вызывают недоумение.

Вот показатель «Доля граждан, повысивших грамотность в сфере информационной безопасности, медиапотребления и использования интернет-сервисов», предполагающий, что в 2018 г. она будет составлять 10 %, в 2019 г. — 15 %, в 2020 г. — 20 %, а в 2024 г. — 50 % (Программа ... , 2017: Электронный ресурс). Сначала «шаг» был в 5 %, а потом в 10%, но за этими цифрами нет никаких представлений о различиях людей и территорий, о том, что медиапотребление или использование интернет-сервисов вовсе не кажется многим символом «хорошей жизни», а многие, прожив свою «хорошую жизнь», так и не узнают, что, как Журден в «Мещанине во дворянстве» у Мольера, всю жизнь говорили прозой.

Более детализирован показатель «Доля населения, использовавшего средства защиты информации по субъектам Российской Федерации (в процентах от общей численности населения, использовавшего сеть “Интернет” в течение последних 12 месяцев, соответствующего субъекта Российской Федерации)». Он предполагает, что в 2018 г. эта доля достигает 86 %, в 2019 г. — 87 %, в 2020 г. — 88 %, с 2023 г. по отношению к предыдущему вырастет на 5 %, а к 2024 г. еще на 2 % (там же). Видимость большей точности в действительности опять же исходит из полной идентичности российских регионов, называя доли населения, не замечает разные культурные картины мира людей, которые живут в России — и при этом по-разному живут, разного ждут от своей страны, чтут разные традиции, усвоили разные социальные и культурные нормы.

В этом отношении показательно, что в огромной по объему Программе всего один раз упоминается проблематика культуры в таком изложении: «2.12.3. Создана система развития и поддержки деловых и культурных связей с уехавшими за рубеж соотечественниками, работающими в сфере цифровой экономики» (там же). Очевидно, что культурные аспекты разработчикам и неизвестны, и неинтересны. Более знаком для них показатели образования.

Например, такой: «Мониторинг оценки качества образования в школе PISA (ОЭСР), место Российской Федерации в рейтинге не ниже» (там же). Предполагается, что рейтинговое место России в 2020 г. будет не ниже 20-го, в 2024 г. — не ниже 12-го. О каком мониторинге идет речь? PISA — Programme for International Student Assessment — это тест, оценивающий грамотность чтения, математическую, естественнонаучную и компьютерную грамотность 15-летних школьников, из чего делаются выводы о развитии системы образования в той или иной стране. Из итогов 2000–2015 гг. следовало, что лучше всего среднее образование дается в Китае, Корее, Сингапуре, Японии, в десятке лидеров по странам Европы представлены Финляндия, Эстония, Швейцария, Польша, Нидерланды. Хотя в аналитических целях мониторинг небезынтересен, его статистическая модель и многие другие параметры подвергались критике, довольно основательной (Stewart, 2013: Электронный ресурс). В 2014 г. целая группа ученых, преподавателей и даже родителей из разных стран мира написали открытое письмо Андреасу Шлейхеру, директору PISA, где они утверждают: «Тесты ОЭСР и PISA наносят ущерб образованию во всем мире» (OECD and Pisa tests ... , 2014: Электронный ресурс; здесь и далее перевод наш. — В. Л.). Некоторые пункты этого письма целесообразно сопоставить с подходами, представленными в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», приведем их:

- «В области образовательной политики PISA, с ее трехлетним циклом оценки, привела к смещению внимания к сиюминутным решениям, призванным помочь стране быстро подняться в рейтинге, несмотря на исследования, показывающие, что непреходящие изменения в образовательной практике занимают десятилетия, а не несколько лет, чтобы принести результаты. Например, мы знаем, что статус учителей и престиж преподавания как профессии сильно влияют на качество обучения, но этот статус сильно варьируется в зависимости от культуры и не поддается влиянию краткосрочной политики»;

- «Подчеркивая узкий диапазон измеримых аспектов образования, PISA отвлекает внимание от образовательных целей, которые сложнее и во все невозможно измерить, таких как физическое, духовное, гражданское и художественное развитие, тем самым опасно сужая наше коллективное воображение относительно того, что такое образование и каким оно должно быть»;

- «PISA еще больше увеличила и без того высокий уровень стресса в школах, что ставит под угрозу благополучие учеников и учителей»;

- «Ни одна реформа, подразумевающая какие-либо последствия, не должна игнорировать важную роль необразовательных факторов, среди которых первостепенное значение имеет социально-экономическое неравенство

нации. Во многих странах, в том числе в США, неравенство резко возросло за последние 15 лет, что объясняет растущий разрыв в уровне образования богатых и бедных, который вряд ли смогут уменьшить реформы образования, какими бы сложными они ни были»;

- «Разработайте альтернативы таблицам ранжирования: изучите более осмысленные и менее сенсационные способы представления результатов оценки. Например, сравнение развивающихся стран, где 15-летних детей регулярно привлекают к детскому труду, с развитыми странами не имеет ни образовательного, ни политического смысла и дают почву для обвинений ОЭСР в образовательном колониализме»;

- «Создайте условия для участия посредством всего спектра соответствующих механизмов и стипендий: на сегодняшний день наибольшее влияние на то, что и как оценивается в международном образовании, оказывают психометристы, статистики и экономисты. Они, безусловно, заслуживают места за столом, как и многие другие группы: родители, педагоги, администраторы, общественные деятели, студенты, а также ученые, работающие в таких дисциплинах, как антропология, социология, история, философия, лингвистика, а также культура и искусство. То, каким образом мы оцениваем образование 15-летних учеников, должно быть предметом дискуссий с участием всех этих групп на местном, национальном и международном уровнях»;

- «Для разработки методов и стандартов оценки следует привлекать национальные и международные организации, задачи которых выходят за рамки экономического аспекта государственного образования и деятельность которых связана со здоровьем, развитием человека, благополучием и счастьем учащихся и преподавателей. Это может включать в себя вышеупомянутые организации системы Организации Объединенных Наций, а также ассоциации учителей, родителей и администраторов...»;

- «Опубликуйте данные о прямых и косвенных затратах на администрирование PISA, чтобы налогоплательщики в странах-членах могли оценить альтернативы использования миллионов долларов, потраченных на эти тесты, и определить, хотят ли они продолжать свое участие в ней».

- «Представьте подробные отчеты о роли частных, коммерческих компаний в подготовке, проведении и последующей деятельности по итогам оценки деятельности PISA за три года, чтобы избежать возникновения реальных конфликтов интересов» (ibid).

На этом фоне показатели по рейтингам в подготовке населения к пользованию благами цифровой экономики смотрятся ущербными. Вот почему от идеи цифровой экономики гуманитарные науки все определеннее идут к

«цифровому обществу», где экономика — важная, но только часть целого, понимаемого как общество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Хорошим обществом» может быть назван «Город Солнца» Т. Кампанеллы: всеобщее счастье этого идеального города определяет культурную картину мира автора, его тезаурус. СССР для многих — дорога к счастью, и потому это «хорошее общество». А другие, в том числе и рожденные в СССР, воспитанные в его школах, с энтузиазмом работавшие к его трудовым коллективам, ненавидят Советский Союз, вспоминают его самые темные стороны, гордятся, что не были пионерами, членами комсомола и партии. Для них это «плохое общество», а «хорошее» — там, за океаном. Относительно современной России — та же поляризация оценок: для одних это вполне «хорошее общество», для других — общество, полное социальной несправедливости, коррупции, «административного ресурса» на выборах. Иначе говоря, «хорошее общество» — аксиологическая конструкция, которая постепенно приобретает черты реального общества или не приобретает их никогда. В отличие от такой тезаурусной конструкции «цифровое общество» — грандиозный план действительных перемен, которые осуществимы только при определенных условиях. Его противоречивость, во-первых, в том, что такое общество не может возникнуть вдруг, по желанию властей, нужно время даже там, где его можно рассчитать (например, в сфере экономики, технологий). Во-вторых, разные общественные сферы идут к объявленным целям не прямо, с разным запасом энергии, в том числе нередко и энергии противостояния.

Гуманитарные науки эйфории «цифровой революции» противопоставляют реалистичную оценку готовности людей, общества к переменам образа жизни. В этом аспекте они незаменимы, выявляя ценностную сторону возможных перемен — ожидаемых, отвергаемых, несущественных перед лицом проблем, кажущихся гораздо более важными реальному человеку в его привычном социальном и культурном окружении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдракова, О. В. (1999) Социокультурные ориентации городского населения в Республике Татарстан : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М. 18 с.

Бауман, З. (2002) Индивидуализированное общество : пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос. LXIII, 324, [2] с.

Коваль, Е. А. (2016) «Хорошее общество» как нормативный идеал // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4–2 (66). С. 75–78.

Коваль, Е. А., Ушкин, С. Г. (2018) Пути России в будущее. Готово ли наше общество стать «хорошим»? // Социологические исследования. № 2 (406). С. 136–145.

Кузнецова, Т. Ф. (2012) Культурная картина мира: теоретические проблемы : науч. монография. М. : ГИТР. 250 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

Медведев: цифровая экономика требует корректировки законодательства (2017) [Электронный ресурс] // ТАСС. 27 июня. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4368611> [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 10.06.2019).

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017) / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 10.06.2019).

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (2017) / Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 10.06.2019).

Федотова, В. Г. (2005) Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция. 544 с.

«Хорошее общество»: социальное конструирование приемлемого для жизни общества (2003) / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФ РАН. 182 с.

Bellah, R. N. et al. (1991) The good society / R. N. Bellah, R. Madsen, W. M. Sullivan, A. Swindler, S. M. Tipton. N. Y. : Alfred A. Knopf. viii, 347 p.

Etzioni, A. (2001) Next: The road to the good society. N. Y. : Basic Books. xv, 137 p.

Galbraith, J. K. (1996) The good society: The humane agenda. Boston : Houghton Mifflin Co. vii, 152 p.

OECD and Pisa tests are damaging education worldwide — academics (2014) [Электронный ресурс] // The Guardian. May 6. URL: <https://theguardian.com/education/2014/may/06/oecd-pisa-tests-damaging-education-academics> [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 16.06.2019).

Stewart, W. (2013) Is Pisa fundamentally flawed? [Электронный ресурс] // TES. July 26. URL: <https://tes.com/news/pisa-fundamentally-flawed> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 16.06.2019).

Дата поступления: 16.06.2019 г.

REFERENCES

Abdrzakova, O. V. (1999) *Sotsiokul'turnye orientatsii gorodskogo nasele-niia v Respublike Tatarstan [Sociocultural orientations of the urban population in the Republic of Tatarstan]* : Abstract of the diss. ... Candidate of Sociology. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo [The individualized society]* : transl. from English ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow : Logos. LXIII, 324, [2] p. (In Russ.).

Koval, E. A. (2016) «Khoroshee obshchestvo» kak normativnyi ideal [The “good society” as a normative ideal]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4–2 (66), pp. 75–78. (In Russ.).

Koval, E. A. and Ushkin, S. G. (2018) Puti Rossii v budushchee. Gotovo li nashe obshchestvo stat' «khoroshim»? [Russia's paths to the future. Is our society ready to become a “good society”?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2 (406), pp. 136–145. (In Russ.).

Kuznetsova, T. F. (2012) *Kul'turnaia kartina mira: teoreticheskie problemy [Cultural world view: Theoretical issues]* : A monograph. Moscow : Humanities Institute of TV & Radio Broadcasting Publ. 250 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyi podkhod k ponimaniuu cheloveka i ego mira [Thesauri II: The thesaurus approach to the conceptualization of the person and his/her world]* : A monograph. Moscow : The National Institute of Business Publ. 640 p. (In Russ.).

Medvedev: tsifrovaia ekonomika trebuet korrektyrovki zakonodatel'stva [Medvedev: Digital economy demands tweaking of the legislation] (2017) TASS, June 27. [online] Available at: <http://tass.ru/ekonomika/4368611> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 10.06.2019). (In Russ.).

Programma «Tsifrovaia ekonomika Rossiiskoi Federatsii» [Program “Digital Economy of the Russian Federation”] (2017) / Approved by the decree of the government of the Russian Federation No. 1632-r of July 28, 2017. *Pravitel'stvo Rossii [Government of Russia]*. [online] Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 10.06.2019). (In Russ.).

Strategiia razvitiia informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030 gody [Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030] (2017) / Approved by the decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017. *Garant.ru*. [online] Available at: <http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 10.06.2019). (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2005) *Khoroshee obshchestvo [The good society]*. Moscow : Progress-Traditsiia Publ. 544 p. (In Russ.).

«*Khoroshee obshchestvo*»: sotsial'noe konstruirovaniye priemlemogo dlia zhizni obshchestva [*The “good society”: Social construction of the suitable for the society’s life*] (2003) / ed. by V. G. Fedotova. Moscow : Publ. House of the Institute of Philosophy, RAS. 182 p. (In Russ.).

Bellah, R. N. et al. (1991) *The good society* / R. N. Bellah, R. Madsen, W. M. Sullivan, A. Swindler, S. M. Tipton. New York : Alfred A. Knopf. viii, 347 p.

Etzioni, A. (2001) *Next: The road to the good society*. New York : Basic Books. xv, 137 p.

Galbraith, J. K. (1996) *The good society: The humane agenda*. Boston : Houghton Mifflin Co. vii, 152 p.

OECD and Pisa tests are damaging education worldwide — academics. (2014) *The Guardian*, May 6. [online] Available at: <https://www.theguardian.com/education/2014/may/06/oecd-pisa-tests-damaging-education-academics> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 16.06.2019).

Stewart, W. (2013) Is Pisa fundamentally flawed? *TES*, July 26. [online] Available at: <https://tes.com/news/pisa-fundamentally-flawed> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 16.06.2019).

Submission date: 16.06.2019.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Lukov Valery Andreevich, Doctor of Philosophy, Professor, Director, Center for Social Design and Thesaurus Conceptions, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honored Scientist of the

Russian Federation, Full Member, International Academy of Science (IAS, Innsbruck, Austria). Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: v-lukov@list.ru

Для цитирования:

Луков В. А. «Хорошее общество» и «цифровое общество» [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 3–15. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1041> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2019.3.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.1)